

НАЧИНАЛИСЬ похороны по одному разряду, завершались по другому. Общеприятная печаль объявлялась крамольной. Видный государственный деятель превращался в подзвонную персону — через несколько дней ему предстояло оказаться «врагом народа».

Да, если в первом сообщении о смерти Червякова читается стремление его принизить, ослабить леденящее впечатление от вестей о том, как ушел он из жизни, «на личной семейной почве», бытовщина, тривиальщина — на продолжившихся заседаниях съезда уже заявлялось, что Червяков «своим актом самоубийства, хотя и на личной почве, совершил явно враждебный поступок». Полюлись грязь и клевета. Оскорбительная нелепица о вчерашнем товарище по партии, деятельности в руководстве республики сказана была и Василием Фомичом Шаранговичем, тогдашним первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, не знаящим, конечно, что и он уже обречен, что в ежовском ведомстве имя его занесено в список обвиняемых для готовящегося процесса «правотроцкистского блока».

Василь Быков в статье «Единственный шанс» на страницах «Советской культуры» жестко заявил, что в Белоруссии «вульгарный социологизм, пренебрежение фактами, подлаживание под модные в разные времена официальные концепции обесценивают даже лучшие исторические труды». А вот профессор А. Машко, минский историк, нервно и с недоумением воспринимающий, судя по печатным и устным его высказываниям, многое из происходящего сейчас в духовной жизни, полагает, что положение у нас в этом смысле вполне благополучное, и в интервью журналу «Политический собеседник» в подтверждение своего мнения ссылается и на тот факт, что в последние десятилетия «в труды по истории вернулись многие имена ранее оклеветанных и репрессированных деятелей». В их числе имя Червякова.

Действительно, о Червякове в Минске десять лет назад даже издана была биографическая книга. Только ведь сегодня просматриваешь эту книгу и просто сочувствуешь ее автору В. Якутову! Представляешь, сколько его помытарили, прежде чем в рукописи не осталась и намек на причину смерти Червякова в возрасте сорока пяти лет. Исчез рассказ обо всех горестных обстоятельствах, конечно же, не семейных, что привели его к роковому решению. Или автора держал за руку «внутренний редактор»?

Нет, внутреннему так не одолеть. Не обошлось здесь, убежден, без чужого контролирующего ока. Как не обошлось без такого вмешательства, когда мы работали на студии «Беларусьфильм» над документальной лентой «Червякову... спешно... Ленин». Предупрежденные о том, что в экранном этом очерке должно обойти, так сказать, определенные моменты (фильм делался в 1982 году), мы все-таки сняли в лиственной заметке скромное надгробие на могиле Червякова: датой смерти предполагали сказать зрителю то, чего касаться было не рекомендовано. Но уже где-то на первой принявшей фильм инстанции надгробие было указано убрать — остались в кадре только листья у подножия...

Имя Червякова в историческом освещении пути республики есть, это правда. Нет судьбы.

да и даже решать его судьбу. Обратились с призывом к землякам в солдатских шинелях и матросских бушлатах вступать в организующуюся Красную Армию...

Когда освобождающуюся от германской оккупации Белоруссию конференция большевиков в Смоленске постановила объявить самостоятельной социалистической республикой, народный комиссар просвещения рабоче-крестьянского временного правительства республики Червяков вошел в пятерку удостоившихся чести подписать соответствующий манифест.

Проходило это решение совсем не единодушно — теперь это уже не спрятанная в секретных архивах тайна. Были у его сторонников оппоненты даже из числа честнейших, заслуженнейших деятелей партии. Ловить их сегодня на сказанном тогда ошибочном слове, укорять — не стоящее, неблагоприятное занятие. С высоты пройденных десятилетий, с высоты приобретенного обществом политического опыта легко нам судить и быть умными. А в тогдашней буче при выборе дороги, которой идти, могла ли она всем увидиться одинаково? Поэтому не стоит ставить вопрос так, как ставят его сейчас в Минске иные публикации: почему, мол, в городе улицы Жилуновича нет, а улица Мясникова, к идее образования БССР относившегося доначалу настоятельно, есть? Ленин Александр Мясников руководил большевистскими организациями Белоруссии в канун Октябрьской бури, сын армянского народа, он неотрывен и от революционной истории народа белорусского. Зачем же память об одном замечательном человеке противопоставлять памяти о другом? Должна быть в Минске и улица Жилуновича, и улица Мясникова.

Ленин одинаково ценил партийцев, очутившихся в Белоруссии из-за войны к моменту подготовки и проведения революции и своим участием во многом определивших повсеместное быстрое установление здесь Советской власти, так и тех, кто связан был с белорусским кре-

шого судьбоносное для страны решение. Пытался себе представить, что он чувствовал, первым подписывая от имени Белоруссии документы, декларировавшие явление в мир небывалого сообщества наций.

Как председатель ЦИК вошедшей в состав Союза республики, Червяков стал тогда и одним из четырех председателей ЦИК СССР — вместе с председателем ЦИК РСФСР Калининным, председателем ЦИК Украины Петровским и председателем ЦИК Закавказской Федерации Наримановым. В кадрах кинохроники сохранился один из моментов пятнадцатилетней работы Александра Григорьевича в верховном органе власти страны: представляя советское руководство, он принимает в Кремле в середине тридцатых годов верительную грамоту посла сражающейся с фашизмом республиканской Испании...

К сожалению, пока лишь гипотетически можно говорить о том, доводилось ли Червякову общаться с Лениным лично, бывать у Владимира Ильича, беседовать с ним, хоть сюжет этот — Ленин разговаривает с Червяковым —

От очевидцев слышал: в час, когда минчане провожали Александра Григорьевича Червякова в последний путь, произошёл эпизод, вызвавший в городе оцепенение. Хотя в ту пору, летом 1937-го, такого рода ситуациям не удивлялись. ...Червяков застрелился. В служебном кабинете в перерыве между заседаниями республиканского партийного съезда. Как сообщили в четырехстрочной «Хронике» минские газеты, «покончив жизнь

национальным чувством, в среде национальной интеллигенции. Отмечались этими словами ценная особенность Червякова, отличимость, определенное даже преимущество его перед другими белорусскими партийцами.

Действительно, трудно назвать в истории республики среди лиц такого, какое занимал Червяков, государственного положения кого-либо еще, кто бы столь же искренне, из органичной потребности, а не по долгу службы, интересовался тем, что выражало облик Белоруссии, обуславливало ее духовную неповторимость. Он не просто знал о том, что радует, а что печалит в Минске писателей, — это были и его печали и радости. Он из неубывающей любознательности, а не как облеченная властью персона, приходил, бывая в Москве, на занятия обучающейся у мхатовцев белорусской актерской молодежи, — то, что языком его народа заговорили профессиональные театры, их удивительные мастера, было для него предметом особой гордости. Горячо болев за делавший первые шаги белорусский кинематограф, он снялся в картине «Лесная боль» — первен-

самоубийством на личной семейной почве». Но был самоубийца председателем Центрального Исполнительного Комитета БССР, и хоронить его как бесславное частное лицо поначалу все-таки не решились. Гроб с телом установили на день в профсоюзном клубе, мимо него скорбной чередой прошли тысячи горожан и специально наехавших селян — в Белоруссии мало кто мог тогда по авторитету и популярности равняться с Червяковым. Людской поток двинулся за кортежем машин на кладбище. И вот когда несколько первых машин очутились по одну сторону моста через реку, а шедшая следом, растянувшаяся на несколько кварталов остальная часть процессии оставалась по другую, случилось неожиданное: мост... перекрыла цепь милиционеров и не разрешила тысячам провожающих следовать дальше.

Штрихи
к портрету
Александра
Червякова

ми он, приезжая на предприятия, свободно говорил по-еврейски. Его часто видели эмоциональным зрителем на спектаклях существовавшего в ту пору в столице Белоруссии польского театра. Учителствуя в юности в Трокском уезде возле Вильно, он полюбился там литовским ребятишкам, — вопреки строгому официальному запрету объяснял на уроках непонятное по-литовски...

Национализм — это, как правило, еще от комплекса неполноценности. Образованный, самобытный Червяков и такой хворью ни в малой степени не страдал. В лае по его адресу в газетах полувекковой давности наткнулся я на оброненное одним старавшимся партаппаратчиком: «Если отбросить все красивые слова, на которые Червяков был большой мастер...». Подумалось: значит, зачислялось Червякову в грех и то, что умел выступать. Не в ней ли, когдагтошней угрюмой настроенности «разоблачителей» к грибунной броскости, к умению ярко, нестандартно мыслить и мысли выражать, причина воцарения у нас на долгие годы блеклости докладов и прений, распространения унылого бормотания по бумажкам, острая нехватка и поныне идеологов, владеющих искусством заиграть и убеждать аудиторию?

ВОСКРЕСНЫМ летним утром минувшего года мне позвонила дочь Червякова Софья Александровна — познакомились, когда шла работа над упоминавшимся уже фильмом об Александре Григорьевиче.

— Звоню по грустному поводу. Скончалась Галина Жилунович. Не можем сообщить об этом Союзу писателей. Телефоны не отвечают, воскресенье. Если есть у вас возможность, помогите...

Не смог удержаться, чтобы не выругаться — бессильно, бездарно, — прежде чем сказать, что сразу же начинаю выискивать кого следует по квартирному телефону. Десятки лет жизни хрупкая, измученная выпавшим ей на долю Галина Дмитриевна Жилунович добивалась полного восстановления доброго имени отца. Дело в том, что после двадцатого съезда партии был реабилитирован только писатель Тишка Гартный (напоминаю, это литературный псевдоним Д. Ф. Жилуновича) — начали издаваться его книги, о нем стали писать в литературоведческих работах. С политического же деятеля Дмитрия Жилуновича, который годы и годы до того, как был в тридцать шестом арестован и доведен пытками до потери разума, подвергался оскорбительным проработкам, вплоть до унижительного направления на, так сказать, довоспитание в «трудовой среде» (ради справедливости следует, правда, сказать, что заводчане, к которым его направили, относились к нему очень сердечно) — с Жилуновича как коммуниста обвинения во всякого рода «изма» сняты не были. Снова и снова дочь обращалась с недоуменными вопросами в «инстанции» и снова и снова слышала в ответ, что ее настойчивость бессмысленна. И вот когда в очистительной атмосфере происходящих ныне в стране перемен ЦК Компартии Белоруссии занялся пересмотром устоявшегося несправедливого мнения о Жилуновиче, рассмотрением возможности посмертного возвращения его в ряды партии, то есть когда то, о чем дочь его мечтала, начало наконец осуществляться, — слишком много перенесшее в течение жизни сердце Галины Дмитриевны не выдержало.

стьянством и рабочим классом кровно. По его

Долго, очень долго рождение Советской Белоруссии изображалось у нас благостно — хотя таковым не было, и безлико — хотя причастны были к нему первостепенные политические фигуры. Запрещалось упоминать о Дмитрии Жилуновиче, в литературе известном, как Тишка Гартный, — выдающемся большевике и писателе, авторе манифеста, провозгласившего основание республики, главе ее первого революционного правительства. Запрещалось упоминать о Червякове. Не бралось во внимание то, что не говорить о них в этой связи — значило не показывать в полной мере участия Ленина в формировании белорусской социалистической государственности. Без преувеличения можно считать, что люди эти — Жилунович и тем более Червяков — были для Ленина как бы олицетворением Белоруссии...

По декрету, подписанному Ильичем, именно Червяков возглавил созданный в Петрограде в начале 1918 года при Наркомате национальностей Комиссариат по делам белорусов (Белнацком) — учреждение, которое заняло широким кругом забот, вытекавших из ущемлявшегося царизмом стремления белорусов «людьми зваться» (слова из облетевшего страну в предреволюционную пору знаменитого стихотворения Янки Купалы).

Еще и не назывался официально Белоруссией бывший Северо-Западный край Российской империи — в дни после Октября образовался в Минске Совнарком Западной области и фронта. Еще и решать не очень ко времени было, как оно будет выглядеть, государственное устройство земель, где основное население составляли белорусы: за исключением считанных уездов, территория находилась под сапогом кайзеровской оккупации. А группа народных интеллигентов, вошедших в Белнацком, жила уже будущим. С энтузиазмом наладила в Петрограде и Москве выпуск журналов, книг, революционных плакатов на белорусском языке. Развернула энергичную агитационно-просветительную работу в среде беженцев из белорусских губерний, многие тысячи которых, оторванные от дома империалистической войной, разбросаны были тогда в городах Центральной Руси. С благословения Луначарского началась разработка документации первого Белорусского университета. На страницах издававшейся Белнацкомом газеты с поэтическим названием «Дзяніца» — «Утренняя звезда» — едко высмеивали притязания рабоблепствовавших перед оккупантами заправил белорусского буржуазного национализма на право говорить от имени наро-

предложено в состав руководства создаваемой республики намечено было включить в равном числе, на равном положении и первых, и вторых. За тем, что при воплощении идеи в жизнь этого не произошло, стояла хмурая подозрительность по отношению к большевикам — «националам» (причем не только белорусским!) Сталина, возглавлявшего в Москве Наркомат по делам национальностей. Но когда над Минском зареяло красное знамя после пережитой городом еще одной оккупации — белопольской — председателем ЦИК возрожденной ССРБ (так тогда республика называлась — Социалистическая Советская Республика Белоруссия), и на ряд лет одновременно и председателем ее Совнаркома стал остро чувствующий чаяния родного народа Червяков.

Его, Червякова, соучастие в решении вопроса увиделось Ленину необходимым, когда искалась форма юридического обоснования братского сотрудничества Советской России и Советской Белоруссии. Родившиеся после революции в границах бывшей царской державы суверенные национальные республики еще не слились тогда в единый Советский Союз и в практике их повседневных отношений возникали, случалось, разного рода формальные сложности. В декабре 1920 года Георгий Васильевич Чичерин написал Ленину о том, как заботит и обескураживает сложившаяся ситуация белорусских товарищей: когда они обращаются в московские учреждения, им нередко отказывают в помощи по той причине, что они из другого государства. На чичеринское письмо легла конкретная, предполагавшая неотложные меры ленинская резолюция. В одном из ее пунктов говорилось: «Червякову поручить спешно разработку проекта детального письма ЦК РКП о Белоруссии и декрета СНК о том же...» Уже через две недели между РСФСР и ССРБ был заключен договор о военном и хозяйственном союзе, ставший вехой на пути, который привел к образованию СССР.

В событиях, связанных со слиянием молодых советских республик в красноезвездный СССР, в единую семью народов, Червяков опять-таки лицо наименее приметное. К этой странице его биографии мне приходилось дважды обращаться как сценаристу документального кино. С волнением и грустью всматривался я много раз в хроникальные кадры, запечатлевшие его — коренастого головача, с виду сельского учителя, кем Александр Григорьевич и был по избранной в юности профессии, — в Большом театре, в президиуме съезда Советов, приняв-

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

